

ОГЛАВЛЕНИЕ

Карты.....	9
Введение	17

ЧАСТЬ I

Испытание судом Божиим

Глава 1	Граф и имам.....	25
Глава 2	Поэты и эмиры	34
Глава 3	Империя в осаде.....	46
Глава 4	Deus Vult!.....	57
Глава 5	Рассказ проповедника.....	73
Глава 6	Поход князей.....	87
Глава 7	Долгая зима.....	104
Глава 8	Иерусалим.....	120
Глава 9	Дележ добычи.....	138

ЧАСТЬ II

Царствие Небесное

Глава 10	Сигурд, ходивший в Иерусалим	153
Глава 11	Поля крови	168
Глава 12	Новое рыцарство	184

Глава 13	Мелисенда Великолепная.....	199
Глава 14	Мечи отцов.....	214
Глава 15	Крещены или истреблены.....	227
Глава 16	История повторяется	243
Глава 17	Борьба за Египет.....	261
Глава 18	По грехам нашим	278

ЧАСТЬ III

Жатва на земле

Глава 19	Львица и Львиное Сердце.....	299
Глава 20	Сгинувший в огне.....	319
Глава 21	Внутренний враг.....	343
Глава 22	Райская река.....	364
Глава 23	Immutator Mundi.....	384
Глава 24	Ханы и короли	403
Глава 25	По воле врага рода человеческого.....	421
Глава 26	Осколки и мечты.....	440
Глава 27	Дивный новый мир.....	454
Эпилог	Крестоносцы 2.0.....	469

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	Главные действующие лица.....	479
Приложение 2	Короли и королевы Иерусалима.....	491
Приложение 3	Папы римские (антипапы не включены в список).....	492
Приложение 4	Императоры.....	494
Об авторе.....		497
Примечания.....		499
Предметно-именной указатель		535

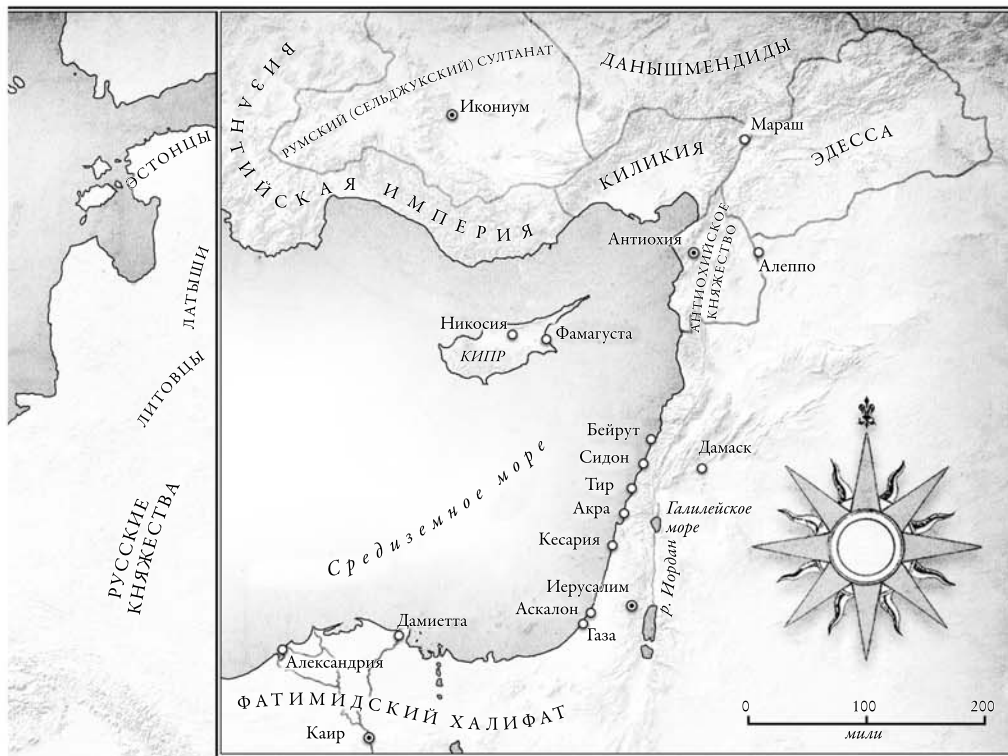
*В те дни мужчины пеклись о мехах не меньше,
чем о своих бессмертных душах.*

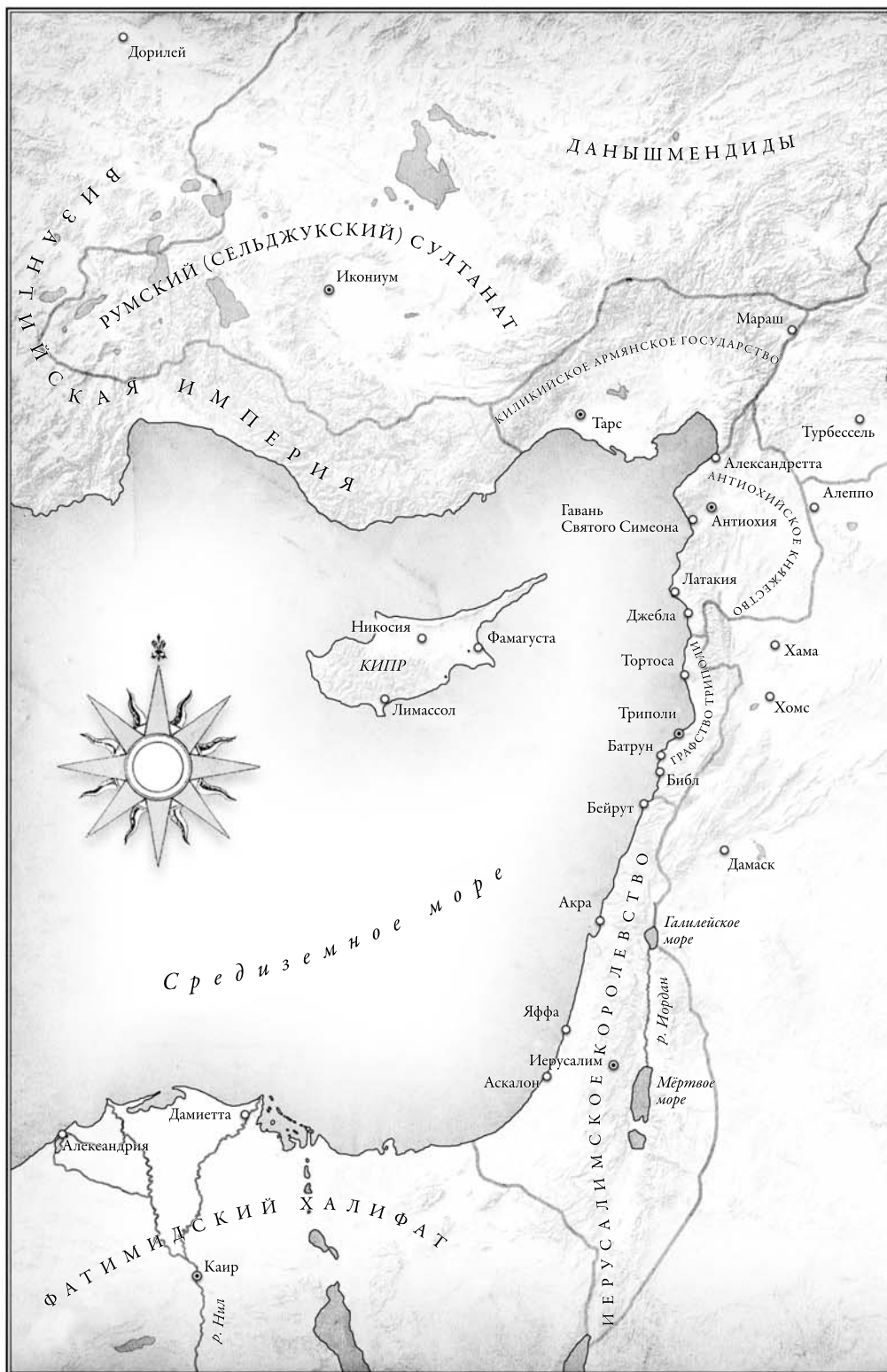
АДАМ БРЕМЕНСКИЙ (ОК. 1076 г.)

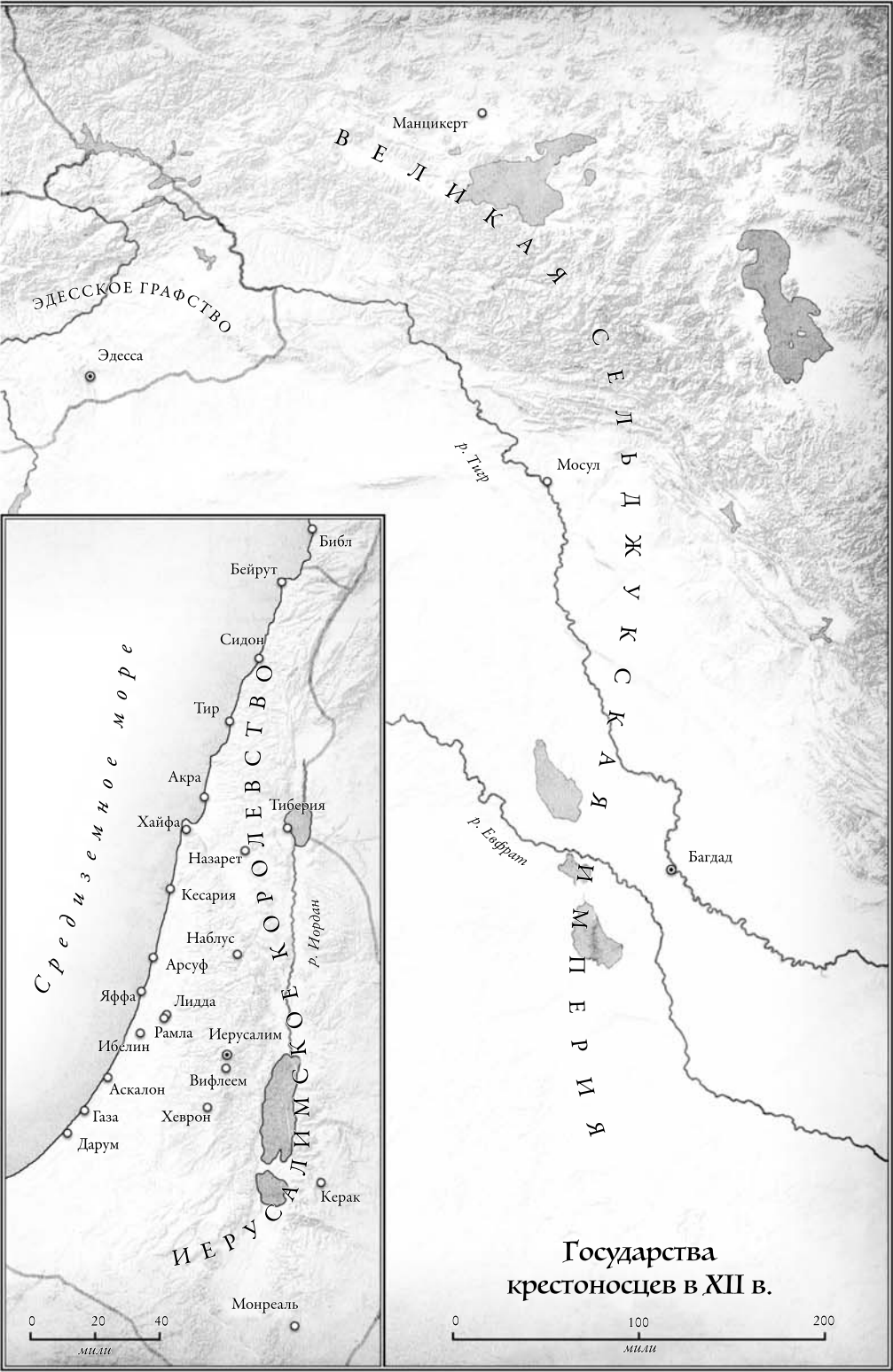
КАРТЫ

1. Европа и Святая земля после
Первого крестового похода (ок. 1099 г.)
2. Государства крестоносцев в XII в.
3. Ход Реконкисты
4. Путь Первого крестового похода
из Константинополя (1097–1099 гг.)
5. Осада Антиохии (1097–1098 гг.)
6. Осада Иерусалима (июнь – июль 1099 г.)
7. Второй крестовый поход (1147–1149 гг.)
8. Языческие племена Прибалтики (ок. 1100 г.)
9. Дельта Нила в период
Пятого крестового похода (1217–1221 гг.)
10. Монголы и мамлюки (ок. 1260 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Эпос, написанный кровью...

Незадолго до Пасхи 1188 года архиепископ Кентерберийский отправился в Уэльс. Вдали от Англии, в Восточном Средиземноморье, началась война, и архиепископу Балдуину Фордскому было поручено завербовать несколько тысяч крепких добровольцев для армии, которая собиралась туда отправиться.

Откровенно говоря, дело им предстояло непростое. Путешествие по суше и морю на Восток и обратно заняло бы у решивших вступить в войско как минимум полтора года и обошлось бы в кругленькую сумму. В пути их поджидали нешуточные опасности: кораблекрушения, разбойники или смерть от какой-нибудь болезни задолго до того, как они доберутся до места назначения — христианского Иерусалимского королевства в Палестине. Шансы вернуться домой с большой добычей были ничтожны. Да, по правде говоря, перспектива просто вернуться выглядела туманной.

Вражеское войско возглавлял султан Египта и Сирии курд Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, называемый Саладином, — талантливый полководец, от которого западные христиане — франки — уже потерпели ряд сокрушительных поражений. Прошлым летом Саладин разбил на поле боя огромную армию, взял в плен

иерусалимского короля, похитил священную реликвию — святой Крест Господень и изгнал христианских властителей из Иерусалима. Единственную гарантированную награду участники войны, затеянной, чтобы покончить с Саладином, могли получить в загробной жизни: предполагалось, что Господь проявит к ним благосклонность и быстро и беспрепятственно введет в рай.

Хотя в тот религиозный век, одержимый подсчетом и отпущением грехов, такое предложение выглядело куда более соблазнительным, чем мы можем представить себе сегодня, перед Балдуином и его свитой, объезжавшими один за другим города Уэльса, стояла сложная задача: проповедовать, убеждать и разжигать энтузиазм людей в отношении войны с врагом, которого никто и в глаза не видел, в далекой стране, в которой никто не бывал.

В маленьком городке Эбертейфи, что в западном Уэльсе, приезд Балдуина стал причиной ссоры молодой супружеской пары. Муж решил отправиться в крестовый поход, а жена твердо решила никуда его не пускать. Согласно хронисту Гиральду Камбийскому, который сопровождал архиепископа Балдуина в этой поездке и оставил о ней увлекательный отчет (хотя, увы, он не упомянул имен супругов), жена «крепко держала мужа за накидку и ремень и при всем народе... не давала ему подойти к архиепископу»¹. Победа осталась за женщиной. Но, как пишет Гиральд, долго радоваться ей не пришлось: «Три ночи спустя услышала она страшный глас: “Ты отняла у меня моего слугу, и посему у тебя будет отнято то, что должна любить ты”».

Тем же вечером, лежа в кровати, она неловко повернулась во сне и придавила до смерти младенца-сына, который спал с нею рядом. Это была трагедия. Но — осознала она — это было также и знамение. Архиепископ Балдуин уже покинул город, и потрясенные супруги поехали к епископу своего диоцеза, чтобы сообщить о случившемся и испросить прощения.

У них оставался единственный выход, и все знали какой. Христиане, решившие отправиться на войну с Саладином, объявляли, что поклялись стать солдатами святого воинства Христова, нашивая на рукав крест из ткани.

Женщина сама пришила крест к одежде своего мужа.

Это книга о Крестовых походах: о средневековых войнах христианских армий, с благословения пап римских отправлявшихся сражаться с людьми, которых они считали врагами Христа и Римской церкви. Название «Крестоносцы» отражает и тематику книги, и мой подход к изложению материала. Долгое время в Средние века не существовало специального термина для обозначения Крестовых походов, как мы понимаем их сегодня: восемь или девять крупных экспедиций из Западной Европы в Святую землю, сопровождавшихся рядом других, побочных, войн, которые велись от залитых солнцем городов на берегах Северной Африки до заснеженных балтийских лесов. А вот слово, обозначающее участников этих войн, появилось вместе с самим явлением. Мужчин и женщин, сражавшихся в искупительных войнах в надежде на спасение души, на латыни называли *crucesignati* — «отмеченные крестом». В этом смысле идея крестоносца предшествует идее крестового похода, и это первая причина, почему я остановил свой выбор на таком названии.

Но что еще важнее, название «Крестоносцы» отражает мой подход к повествованию. Эта книга состоит из серии эпизодов, рассказывающих о конкретных личностях — участниках Крестовых походов; с точки зрения хронологии эпизоды выстроены последовательно и охватывают период в целом. Люди, которых я сделал нашими проводниками в этом путешествии, — «крестоносцы», как и сказано в названии, и я надеюсь, что все вместе они сумеют поведать нам историю Крестовых походов из первых уст.

Подыскивая «своих» крестоносцев, я старался раскидывать сети как можно шире. В моем повествовании присутствуют женщины и мужчины, христиане Восточной и Западной церквей, мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты, арабы, евреи, турки, курды, сирийцы, египтяне, берберы и монголы. На страницах книги вы встретите также людей из Англии, Уэльса, Франции, Скандинавии, Германии, Италии, Сицилии, Испании, Португалии, с Балкан и из Северной Африки. Здесь есть даже дружина викингов! Одним достались главные роли, другим — эпизодические. Но благодаря всем этим людям получилась многоголосая история

Крестовых походов. Историографически она не ограничивается созданием, борьбой за существование и крахом государств крестоносцев в Палестине и Сирии, а также их борьбой с мусульманами. Скорее, она помещает главную нить повествования в контекст других, параллельных, официально объявленных Крестовых походов, которые велись в то же время на Пиренейском полуострове, в южной Франции, Сицилии и Анатолии, а также неофициальных, народных движений, возникавших в других местах. Таким образом, нашу историю движет вперед множество людей, что позволяет нам увидеть яркий и красочный калейдоскоп взглядов на эпоху, их связавшую.

Во всяком случае, такова была моя цель. Разумеется, я прекрасно знаю о существовании массы превосходных исследований Крестовых походов, изданных за последние годы, и глубоко признателен их авторам. Вероятно, самым впечатляющим из всех, несмотря на свой возраст, остается блестящий трехтомный труд сэра Стивена Рансимена «История Крестовых походов» (*A History of the Crusades*, 1951–1954), но и сравнительно недавно англоязычным читателям посчастливилось познакомиться с замечательными книгами. Это «Священные войны: новая история Крестовых походов» (*God's War: A New History of the Crusades*, 2006) Кристофера Тайермана, «Крестоносцы: война за Святую землю» (*The Crusades: The War of the Holy Land*, 2010) Томаса Асбриджа, «Воины Христовы: современная история Крестовых походов» (*Holy Warriors: A Modern History of the Crusades*, 2010) Джонатана Филлипса, «В погоне за раем: исламская история Крестовых походов» (*The Race for Paradise: An Islamic History of the Crusades*, 2014) Пола Кобба, а также третье издание книги покинувшего нас великого Джонатана Райли-Смита «Крестовые походы: история» (*The Crusades: A History*, 2014). Все они представляют собой превосходные путеводители по истории эпохи, и, хотя по ходу повествования я ограничился цитированием только основных источников, эти труды, наряду с сотнями книг и статей как общей, так и специальной направленности, написанных другими авторами, всегда были у меня под рукой. Если бы не усилия поколений историков Крестовых походов, эта книга просто не смогла бы появиться на свет.

Она состоит из трех частей. Первая посвящена периоду, когда зародились многие направления мысли, виды деятельности и роды военного искусства, которые с 1060-х годов и далее способствовали становлению движения крестоносцев. Повествование здесь построено вокруг поразительной истории Первого крестового похода и достигает кульминации в момент взятия Иерусалима в июле 1099 года.

Вторая часть книги подхватывает нить повествования несколькими годами позже, в начале XII столетия. В ней мы проследим рост и развитие государств крестоносцев в Сирии и Палестине, понаблюдаем за войнами христианских королей с исламскими государствами Испании (Реконкистой) и увидим, как крестовое движение распространилось на новый плацдарм на берегах Балтийского моря. В этой части книги изложение привязано к двум переломным моментам: потере Эдессы в 1144 году — причине Второго крестового похода и взятию Иерусалима Саладином в 1187 году, следствием чего стал Третий.

Заключительная часть книги, описывающая события первой половины XIII столетия, посвящена отчаянным попыткам западного христианского мира вернуть себе Иерусалим, вслед за чем последовал закат государств крестоносцев на Востоке, вызванный укреплением империй мамлюков и монголов. Здесь же рассказывается о резком усилении и политизации идеологии и институтов крестового движения в период папства Иннокентия III и позже, вследствие чего внимание крестоносцев обратилось на новых врагов: реальных и воображаемых, внутри церкви и вне ее. Чтобы исполнить обещание представить возможно более широкую и полную историческую картину, я завершаю «Крестоносцев» не 1291 годом, когда Иерусалимское королевство пало окончательно, но 1492 годом, когда завершилась Реконкиста, а энергия движения крестоносцев обратилась на Запад, на Новый Свет. Краткий эпилог посвящен памяти о Крестовых походах и метаморфозам, которые она претерпевала в веках вплоть до настоящего времени.

Каждую главу книги можно рассматривать в качестве самостоятельного исследования, чем они, по сути, и являются. Я надеюсь, что, прочитав историю, которая будет рассказана далее, неискушенный читатель захочет глубже погрузиться в изучение

Крестовых походов, а искушенный по достоинству оценит мой подход к материалу. Как и всегда, я надеюсь, что мне удалось написать книгу не только поучительную, но и увлекательную. Ведь, как сказал некогда сэр Стивен Рансимен, «романтическая история Крестовых походов — это эпос, написанный кровью»².

Такой она была, такой и остается. Давайте же начнем.

*Дэн Джонс
Стейнс-апон-Темз
Весна 2019 года*

ЧАСТЬ I

ИСПЫТАНИЕ
СУДОМ БОЖИИМ

Глава 1

Граф и имам

*Он видел в том для себя двойную пользу,
а именно пользу для души и для тела...*

Граф Рожер Сицилийский поднял ногу и шумно испустил ветры. «Христом Богом клянусь, — воскликнул он, — этот звук лучше, чем все ваши речи!»^{*.1} Его советники, пристыженные и немного озадаченные, замерли. Вышеупомянутому графу, до костей просоленному морскими ветрами военных кампаний в южной Италии и на островах центрального Средиземноморья, было чуть меньше пятидесяти. В молодости он удостоился от одного льстеца следующей характеристики: «Прекраснейший юноша, высокого роста, изящного телосложения, весьма красноречивый, хитроумный, предусмотрительный в улаживании требующих решения дел, приветливый и приятный всем»^{**.2}. К зрелым годам граф несколько огрубел и уже не считал нужным распинаться перед недоумками.

План, предложенный его советниками, казался вполне разумным, какими часто кажутся планы придворных, пока раздражительный господин не оставит от них мокрого места. За морем недалеко от Сицилии, примерно в 120 километрах, лежали остатки страны, которую в античные времена называли Карфагеном, позже — римской провинцией Африка, а теперь, в конце XI века, именовали Ифрикией^{***}. Ее города — в том числе столица Махдия

* Пер. М. А. Заборова.

** Пер. И. В. Дьяконова.

*** Сегодня эту местность называют Восточным Магрибом: это примерно та часть морского побережья Северной Африки, на которой находятся северо-восточный Алжир, Тунис и северо-западные области Ливии.

(Аль-Махдийя), расположенная прямо на побережье, и Кайруан (Кайрван), лежащий чуть дальше вглубь материка и славившийся своей мечетью и школой, которую на протяжении многих поколений посещали величайшие философы и ученые-натуралисты Северной Африки, — управлялись слабеющей династией Зиридов, берберских мусульман. Пространство за стенами городов находилось во власти разномастных племен арабов-бедуинов, которые с подачи египетских властей пытались вытеснить Зиридов. Политическая стабильность дышала на ладан. Тут тебе и теплые плодородные земли, и процветающие портовые города. Добыча сама идет в руки — так думали советники Рожера, а потому они и рекомендовали своенравному повелителю принять предложение родственника, которого в одном из источников называют просто «Балдуином»³.

Этот Балдуин собрал огромную армию христиан и раздумывал, какие бы такие не обращенные в истинную веру земли завоевать. Он просил у Рожера разрешения высадиться на Сицилии и использовать остров в качестве плацдарма для вторжения в Ифрикию. «Я стану вашим соседом!» — восклицал он радостно, как будто это была благая весть. Но Рожер Сицилийский не ощущал в себе добрососедского настроения. Несомненно, Ифрикией правят последователи разнообразных течений ислама, сказал он, но так уж вышло, что сицилийцы обещали этим иноверцам соблюдать соглашения, обеспечивающие мир и активный товарообмен на рынках и в портах острова. Последнее, чего он хотел бы, разглагольствовал Рожер перед приближенными, так это чтобы кузен, злоупотребляя его гостеприимством, опрометчиво развязал войну, которая, увенчавшись победой, повредит сицилийской торговле, а окончившись провалом, дорого обойдется графу, вынужденному оказывать родичу военную поддержку.

Какой бы уязвимой ни была Ифрикия, если кто-то этим и воспользуется, так только сам Рожер. Два с половиной десятилетия — почти всю сознательную жизнь — он укреплял свою власть в регионе, и, если бы сейчас рискнул всем, поддержав безрассудный план родича, который ни капли пота не проронил на землю Сицилии, все его многолетние усилия пошли бы прахом.

Если этот Балдуин так жаждет воевать с мусульманами, сказал Рожер, ему придется подыскать для этого какую-нибудь другую часть Средиземноморья. Граф лично может назвать массу мест, которые были бы предпочтительней окрестностей Сицилии. Он приказал привести гонца Балдуина и проинформировал того о своем решении. Если твой хозяин настроен серьезно, сказал он, тогда «лучше всего вам захватить Иерусалим»^{*4}.

С этого все и началось.

Рожер, граф Сицилии, был образцовым для Европы XI века примером человека, который всего добился сам. Он родился около 1040 года и был младшим из двенадцати сыновей мелкого нормандского барона по имени Танкред де Готвиль. Учитывая тогдашние правила наследования, даже второму сыну предстояло всю жизнь провести в погоне за удачей без особой надежды на наследство. Иметь одиннадцать старших братьев по тем временам — настоящая катастрофа. Однако к концу века нормандцы принялись огнем и мечом прокладывать себе путь по Западной Европе. В 1066 году они завоевали саксонскую Англию; примерно в то же время их внимание обратилось на южную Италию. В самой Нормандии возможностей для младших сыновей было не густо, но перед тем, кто оказывался не прочь сорваться с места, открывалась масса перспектив. Итак, юный Рожер покинул родину, то есть северо-запад нынешней Франции, и отправился в земли, которые уже привлекли немало его родственников и земляков: это были богатые, но нестабильные регионы южной Италии — Калабрия и Апулия, мысок и каблук итальянского сапога.

Принадлежность этих изобилующих ресурсами земель оспаривалась, и здесь амбициозный молодой человек, одержимый политикой и войной, вполне мог выбиться в люди. Нормандцы из клана Готвилей уже сделали себе имя, сражаясь против соперничающих держав региона — главным образом, против византийских греков и римских пап, относившихся к нормандцам с подозрением и едва ли не со страхом. Наибольшего успеха удалось добиться братьям Рожера — Вильгельму Железному Руку, Дрого

* Пер. М. А. Заборова.

и исключительно одаренному Роберту Гвискару (на старофранцузском *guischart* означает «хитрый» или «коварный»). К приезду Рожера двое первых уже пребывали в лучшем из миров, а Роберт Гвискар заявлял права на титул «графа Апулии и Калабрии». Но приключений там хватало на всех. Семейка покоряла народы южной Италии, отрезая носы, отрубая руки и ноги и выкалывая глаза⁵. В нормандских легендах утверждается, что родословная Готвилей восходит к скандинавскому вождю Роллону, который обратился в христианство в основном ради того, чтобы подданные подчинялись ему, в какого бы бога ни веровали⁶. Ни Рожер, ни Роберт никогда не теряли вкуса к принятому у викингов старому доброму способу убеждения при помощи меча.

Нормандцы славились необузданной жестокостью, и в немалой степени благодаря такой репутации их вторжение в южную Италию одобряли не все. По мнению одного высокопоставленного церковного деятеля тех времен, нормандцы были «самым вонючим мусором в мире... сыны греха, тираны, вышедшие из черни»⁷. Но с середины века и далее папство стало придерживаться иной точки зрения: один за другим папы смягчали свой враждебный настрой и все чаще готовы были видеть в нормандцах неотесанных, но потенциально полезных союзников, которые могли бы помочь Риму продвигать свою повестку. Отчасти папство пришло к такому выводу под давлением: в 1053 году нормандцы разгромили папскую армию на поле боя и взяли в плен папу Льва IX, предшественника Николая. Как бы то ни было, в 1059 году папа римский Николай II все-таки отдал Калабрию и Апулию семье Готвилей и позволил их войскам выступать на поле боя под папским штандартом*. Такую честь он оказал Роберту Гвискару в обмен на четырех верблюдов. И это было не просто признанием сложившегося положения дел. Папа мечтал, что однажды какой-нибудь из нормандских кланов сможет «с Божьей и святого Петра помощью» завоевать Сицилию и править ею: обширный остров треугольной

* Через несколько лет папский штандарт послали еще одному нормандскому правителю: Вильгельм Бастард, герцог Нормандии, развернул его перед своей армией, когда в 1066 году вторгся в Англию.

формы, расположенный по другую сторону Мессинского пролива, с IX века находился под властью арабов⁸. Это стало бы серьезным шагом к реализации амбиций римских пап, мечтавших подчинить своей церкви всю южную Италию⁹. Если бы нормандцы смогли это устроить, рассуждали папы, то все бесчинства, которые десятилетиями творили на материке головорезы-северяне, оказались бы оправданы.

Рожеру и его брату Роберту Гвискару идея завоевать Сицилию очень нравилась, хотя и не совсем по тем же причинам, что папе римскому. Умилостивить Господа вполне можно было никуда не отправляясь, а учреждая и поддерживая монашеские общины, славя Христа и соблюдая дни поминовения святых. Но отправлять войска покорять остров площадью 2590 квадратных километров, длина прибрежной линии которого составляет почти 1500 километров, а в центре высятся настоящие вулканы — такое богоугодное деяние требовало более весомых и прозаических оснований.

К счастью, Сицилия предоставляла их в избытке: влажный климат зимой и жаркий летом, плодородные земли, чуть ли не лучшие в Средиземноморье, колоссальные урожаи зерна, которое выращивали здесь методами, значительно усовершенствованными под властью мусульманских эмиров. На острове росли лимоны, финики, рис и сахарный тростник. Сицилийские ремесленники производили хлопок и папирус. Спокойные морские воды не давали рыбакам сидеть без дела. Паломники из мусульманской южной Испании, совершая хадж в Мекку, останавливались здесь отдохнуть. В прибрежных городах, в том числе в Палермо, Сиракузах, Каталани, Мессине и Агридженто, пересекались основные торговые пути центрального Средиземноморья; здесь купцы Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки могли вести дела с торговцами, прибывшими из Центральной и Западной Европы. Наконец, местное население, состоявшее из мусульман — арабов и берберов, а также из христиан греческой православной церкви и евреев,

можно было активно облагать налогами, что уже доказали эмиры, которые, следуя исламскому обычаю, взимали с не желающих обращаться в ислам жителей специальную подать «джизья».

Учитывая все это, хвалебные гимны во славу завоевания Сицилии, которые папа пел Рожеру и Роберту Гвискару, в 1059 году возымели действие. Как писал сицилийский монах-летописец Гоффредо Малатерра,

...изысканнейший юноша, граф Калабрии Рожер... слыша о неверной Сицилии... был охвачен страстным желанием завладеть ею, видя в том для себя двойную пользу, а именно пользу для души и для тела, если он вернет к почитанию Бога землю, преданную идолопоклонству¹⁰.

Деньги и вечная слава — двух этих немеркнущих соблазнов оказалось более чем достаточно, чтобы в начале 1060-х годов выманить Рожера и Роберта Гвискара за Мессинский пролив и заставить их совершить серию нападений на остров. Завоевание Сицилии далось братьям-нормандцам нелегко, но они бросили на это все силы, устраивая морские блокады и посылая на остров солдат, которые были малы числом, однако отлично подкованы в нормандском стиле ведения боевых действий, предполагавшем использование легких доспехов и тяжелой конницы, огромных деревянных щитов и осадных башен, — и противостоять им оказалось очень трудно. Нормандцы обращали в свою пользу распри местных мусульман, которые раньше даже брали на службу наемников-христиан с материковой Италии, а в попытках удовлетворить свои политические амбиции готовы были действовать совместно с нормандскими армиями¹¹. Нормандцы прибегали к простым, но эффективным мерам психологического воздействия: насиловали жен врагов, а о своих победах оповещали, рассылая почтовых голубей, вымоченных в крови. В итоге в 1072 году, после пятимесячной осады, Палермо пал. К середине 1080-х годов нормандцы захватили уже большую часть острова. Неисправимый авантюрист Роберт Гвискар в поисках новых приключений отправился воевать с Византийской империей, насаждая нормандское владычество